

**МЕЖДУ ИДЕАЛАМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЫ
(Рец. на сб. док.: Социальная политика СССР в послевоенные годы.
1947–1953 гг.: документы и материалы /
Сост.: д.и.н., проф. В. В. Журавлев, к.и.н. Л. Н. Лазарева.
М.: Политическая энциклопедия, 2020. 718 с.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-192-194

Современная историография позднесталинского периода концентрируется на исследовании конкретных политико-экономических, научно-технических, социальных и культурных практик государственной политики.¹ Гораздо меньше внимания уделяется идеологическим установкам. Лишь в отдельных работах присутствует указание на стремление высшего руководства к построению в СССР социалистического и коммунистического общества как на самостоятельный фактор исторического процесса.² Поэтому изучение взаимосвязи идеологических установок и следовавших из них управленческих практик является перспективным направлением исследований.

Весомый вклад в решение этой задачи внесли две документальные публикации, вышедшие в серии «Документы советской истории». Первая увидела свет в 2017 г.³ Содержащиеся в ней материалы освещают процесс выработки новых идеологических подходов к развитию советской экономики в послевоенный период. Этот сборник материалов был высоко оценен научной общественностью.⁴ Логичным продолжением темы стала публикация рецензируемой книги. В ней наглядно показано, как идеологические установки реализовывались в русле

социальной политики. Важно отметить преемственность издания по отношению к предшествующим публикациям в серии «Документы советской истории» о социальной политике первых послевоенных лет.⁵ Подавляющее большинство материалов, вошедших в рецензируемый сборник, выявлено в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и ранее не публиковалось.

В качестве структурной основы издания составителями была выбрана цитата И. В. Сталина из беседы с экономистами 29 января 1941 г., в которой вождь высказался о планировании как основополагающем процессе административно-командной экономики. По его мнению, советское народное хозяйство должно было эффективно решить три взаимосвязанных задачи: 1) обеспечить независимость от капиталистической системы; 2) сделать невозможной реставрацию капитализма; 3) сформировать резервы для устранения возможных диспропорций.⁶ Подбор документов для сборника осуществлялся так, чтобы показать, как аппарат управления проводил в жизнь эти установки.

Экономическая независимость СССР, на деле стремящегося к автаркии, осуществлялась с помощью централизованной разработки и неукоснительного соблюдения пятилетних планов, которые заменяли рыночные механизмы. В сборнике содержатся замечания к проекту и сообщение об итогах выполнения IV пятилетнего плана на 1946–1950 гг., а также проект тезисов доклада о V пятилетнем плане на 1951–1955 гг. Наибольший интерес для исследователей представляет V пятилетний план (с. 47–74), поскольку он разрабатывался при жизни И. В. Сталина и начал осуществляться исходя из его представлений. Окончание реализации плана пришлось на период борьбы за

¹ См.: Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill, 1980; Зубкова Е. Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953*. М., 1999; Данилов А. А., Пыжиков А. В. *Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы*. М., 2001; Артемов Е. Т. *Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации*. М., 2006; Шестаков В. А. *Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов*. М., 2006; Пихоя Р. Г. *Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985*. М., 2007; Горлицкий Й., Хлевнюк О. В. *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М., 2011; Добренко Е. А. *Поздний сталинизм: эстетика политики: в 2 т.* М., 2020.

² См.: Чуднов И. А. *Денежная реформа 1947 года*. М., 2018; Осокина Е. А. *Алхимия советской индустриализации. Время Торгина*. М., 2019; Великанова О. В. *Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма*. М., 2021.

³ См.: *Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы*. М., 2017.

⁴ См.: Пивоваров Н. Ю. *Горизонты сталинской экономики // Исторический архив*. 2018. № 3. С. 192–197; Эжштут С. А. «Иосиф Сталин: “Глупость... Болтовня... Ха-ха...”. Убийственные ремарки вождя разбросаны по всей рукописи вузовского учебника политэкономии социализма» // *Родина*. 2018. № 3. С. 50–55.

⁵ См.: *Советская жизнь. 1945–1953*. М., 2003; На «краю» советского общества. *Маргинальные группы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.* М., 2010.

⁶ См.: Бухерт В. Г. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». *Беседы И. В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг.* // *Исторический архив*. 2012. № 5. С. 8.

власть после смерти вождя, прямым следствием которой стал пересмотр приоритетов развития страны. Сравнение принятых в 1952 г. на XIX съезде партии директив по V пятилетнему плану с реальной экономической практикой 1953–1955 гг. открывает перспективу для более глубокого изучения реформаторских планов советского руководства.

Следует заметить, что в случае дополнительного привлечения составителями материалов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) можно было показать, что даже неповоротливая система советского планирования обладала определенной степенью адаптивности. С одной стороны, пятилетние планы корректировались на заседаниях представителей союзных республик,⁷ а с другой — были частью более масштабных 15- и 20-летних планов. Поэтому логичным выглядело бы включение в соответствующий раздел сборника материалов Генерального хозяйственного плана на 1951–1970 гг., цель реализации которого была обозначена как осуществление «программы перехода в СССР от общества социалистического к обществу коммунистическому».⁸

Преградой для возрождения капитализма в СССР должны были стать советские социально-экономические отношения, основанные на принципе отрицания частной собственности на средства производства. Поэтому одной из главных задач сталинского режима в послевоенный период стало купирование частной инициативы, получившей некоторую свободу в период войны. В 1945 г. начальник Управления налогов и сборов Министерства финансов СССР Г. Л. Марьяхин выступал с предложением о легализации ряда кустарных и ремесленных промыслов (с. 582–588). Однако в 1947 г. министр государственного контроля СССР Л. З. Мехлис в докладной записке И. В. Сталину характеризовал подобного рода предложения как находящиеся в русле «открытой поддержки частного... и развязывании спекуляции» (с. 581, 582).

Борясь с проявлениями предпринимательской активности в городах, государственные органы не забывали и про деревню. Негласная передача земель сельскохозяйственных артелей в пользование колхозникам расценивалась как «расхищение общественных земель» (с. 625). Контрольные органы видели в переданных землях не средство выживания для полуголодных людей, а ресурс для выращивания и реализа-

ции сельскохозяйственной продукции в обход государства. Зачастую колхозники, ориентированные на продажу продуктов на колхозном рынке за деньги, уклонялись от работы в колхозах за трудодни. Для борьбы с ними 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». В докладной записке о его выполнении представитель совета по делам колхозов по Саратовской области достаточно точно сформулировал мотивацию власти: «Одной из основных причин крайне низких темпов восстановления... колхозов области является наличие в колхозах частнособственнических, антиколхозных тенденций» (с. 644).

Эти примеры показывают, что государство не только не собиралось распускать колхозы, но что надеялась большая часть граждан страны, но наоборот, боролась за их сохранение и развитие, так как считало колхозы одной из переходных форм общественной организации на пути к коммунистическому будущему. Как говорил сам И. В. Сталин, «артель идет к коммуне... Второй фазе коммунизма не соответствует сельскохозяйственная артель, скорее всего, соответствует коммуна».⁹

Особенности создания резервов рабочей силы в промышленности послевоенного периода раскрываются в проекте постановления СМ СССР «О порядке проведения организованного набора рабочих» и материалах его обсуждения (с. 414–421).

Накопление денежных резервов в руках государства происходило с помощью различных инструментов финансово-кредитной политики. Наиболее известными ее элементами в послевоенный период стали денежная реформа 1947 г. и связанные с ней отмена карточной системы и периодические снижения цен. Менее изученной является деятельность советского правительства по реализации масштабной программы государственных займов (с. 302–305, 320–329). Выполнение мероприятий этой программы носило характер массовой кампании, сочетавшей в себе элементы как политической, так и репрессивной кампании, целью которой являлось изъятие у граждан страны части наличных средств. Гибридный характер этой кампании и ее цели,

⁷ См.: напр.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 47. Д. 174. Л. 1–41.

⁸ Там же. Оп. 96 сч. Д. 1387. Л. 18.

⁹ Запись беседы И. В. Сталина с коллективом авторов учебника «Политическая экономия» 15 февраля 1952 г. // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 362.

не подпадающие полностью ни под одну из указанных категорий, дают основание для работы по уточнению сложившейся в современной историографии классификации массовых компаний сталинского времени.¹⁰

Не меньший интерес представляет вопрос о состоявшемся в марте 1950 г. переводе рубля с фиксированного обменного курса на золотое обеспечение. В двух докладах специальной комиссии ЦК раскрывается обоснование этой меры (с. 149–169), также мало затронутое в историографии. Обращают на себя внимание нереалистичные оценки, из которых исходило советское руководство. Переход к золотому обеспечению обосновывался тем, что «более низкое качество товаров в США по сравнению с советскими товарами» (с. 158) вело к искусственной переоценке доллара на мировых рынках, а повышение покупательной способности рубля не учитывалось. Стоит отметить, что высокая покупательная способность рубля объяснялась периодически проводившимися государством снижениями цен, то есть была искусственной по своей природе и касалась только внутреннего рынка.

Из представленных в сборнике документов можно составить некоторое представление о последствиях реализации сталинской экономической модели. В 1952 г. граждане Союза потребляли меньше мяса и сливочного масла, чем в социалистических странах Восточной Европы, но зато значительно обгоняли их по потреблению хлебопродуктов (с. 665, 666). Эти данные свидетельствуют о несбалансированности питания советских людей. Помимо этого, в документах сборника напрямую не говорится о голоде 1947 г. и его долгосрочных последствиях.¹¹ В целом государство предпочитало игнорировать эту проблему. Зато, как следует из справки ЦСУ (с. 663, 664), за 1947–1954 гг. совокупный размер снижения государственных розничных цен составил

31,1 млрд рублей, но в ней не приводятся данные об изменении зарплат и обязательных платежей. Лишь в справке заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК признавалось наличие проблем в промышленности, но делалось это не напрямую, а эзоповым бюрократическим языком (с. 667).

Идеология и практика в деятельности советского руководства постоянно переплетались и влияли друг на друга. Еще раз подчеркнем, что составители правильно опирались на высказывание И. В. Сталина о сущности советского планирования, но также отметим и то, что представления вождя не были чем-то застывшим. В 1935 г. он утверждал, что роль «стахановского движения состоит в том, что оно... подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму».¹² А уже в 1952 г. указывал на другое условие перехода к новому типу общества: «...чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно... добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей».¹³ Соединение реальности советской экономики в виде приоритета ВПК¹⁴ с идеалами марксистско-ленинской идеологии о возможности построения коммунизма приводило И. В. Сталина к необходимости декларативно обозначить способ этого перехода. Учитывая опыт первых пятилеток и напряжения во время войны, в послевоенный период он сделал ставку не на показательный труд передовых рабочих, а на растянутый во времени «культурный рост общества». Это изменение, безусловно, должно было найти свое отражение в практиках управления, прежде всего в перестройке системы образования,¹⁵ переподготовки кадров, культурной политики и идеологического контроля. Надеемся, что эти вопросы получат достойное освещение в заключительном томе документального проекта.

М. А. Симонов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

¹⁰ См.: Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017. С. 2, 3.

¹¹ См.: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996. С. 236, 237.

¹² Речь товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев. 17 ноября 1935 года // Правда. 1935. 22 нояб. С. 1.

¹³ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 66–68.

¹⁴ См.: Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 234.

¹⁵ Отчасти эти вопросы затрагивались: Майофис М. Л. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М., 2015. С. 35–106.